

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.211

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159>

Преступления с административной преюдицией в аспекте реализации методов современной уголовной политики

Р.А. Комягин^{1✉}¹Саратовская государственная юридическая академия

ул. им. Чернышевского Н.Г., д. 104/1, г. Саратов 410056, Российская Федерация

✉e-mail: roman.komyagin@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях постоянного расширения количества преступлений с административной преюдицией в действующем уголовном законодательстве остается не установленным наличие или отсутствие у них признака общественной опасности, выступающего основанием реализации таких методов уголовной политики, как криминализация и дифференциация ответственности.

Цель исследования заключается в определении правовой природы преступлений с административной преюдицией сквозь «призму» методов уголовной политики.

Задачи: изучить понятие и структуру преступлений с административной преюдицией; исследовать способы законодательной регламентации преступлений с административной преюдицией; определить наличие или отсутствие признака общественной опасности у административных правонарушений, входящих в преступления с административной преюдицией; проанализировать основание криминализации преступлений с административной преюдицией; выявить проблемы межотраслевой дифференциации ответственности на примере преступлений с административной преюдицией.

Методология. В настоящей работе применялись общенаучные методы – диалектический метод познания, а также частнонаучные: анализ, обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы.

Результаты. В ходе проведенного исследования было установлено, что отдельные административные правонарушения, входящие в структуру преступления с административной преюдицией, не обладают признаком общественной опасности. Повторность совершения административных правонарушений также не наделяет преступление с административной преюдицией признаком общественной опасности и находится за рамками основания уголовной ответственности. Как итог, основание криминализации и межотраслевой дифференциации оказываются не установленными применительно к рассматриваемому явлению.

Вывод. Закрепление преступлений с административной преюдицией в уголовном законе приводит к его избыточной криминализации, а также к нарушению критериев межотраслевой дифференциации юридической ответственности.

Ключевые слова: преступления; административная преюдиция; общественная опасность; основание уголовной ответственности; криминализация преступления; дифференциация ответственности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Комягин Р.А. Преступления с административной преюдицией в аспекте реализации методов современной уголовной политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 148–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159>.

Поступила в редакцию 01.11.2025

Принята к публикации 26.11.2025

Опубликована 25.12.2025

Crimes with administrative prejudice in the aspect of implementing modern criminal policy methods

Roman A. Komyagin^{1✉}

¹Saratov State Law Academy
104/1 Chernyshevsky N.G. Str., Saratov 410056, Russian Federation

✉e-mail: roman.komyagin@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the fact that, in the context of the constant increase in the number of crimes with administrative prejudice in the current criminal legislation, it remains unclear whether they have the characteristic of public danger, which is the basis for implementing such methods of criminal policy as criminalization and differentiation of responsibility.

The purpose of this study is to determine the legal nature of crimes with administrative prejudice through the “prism” of criminal policy methods.

Objectives: to study the concept and structure of crimes with administrative prejudice; to investigate the methods of legislative regulation of crimes with administrative prejudice; to determine the presence or absence of a public danger sign in administrative offenses that are part of a crime with administrative prejudice; to analyze the basis for the criminalization of crimes with administrative prejudice; and to identify the problems of intersectoral differentiation of responsibility in the case of crimes with administrative prejudice.

Methodology. In this work, both general scientific methods, such as the dialectical method of cognition, and specific scientific methods, such as analysis, generalization, formal-legal, comparative-legal, and system-structural methods, were used.

Results. The study revealed that certain administrative offenses that are part of a crime with administrative prejudice do not possess the characteristic of public danger. The repetition of administrative offenses also does not make a crime with administrative prejudice a crime with public danger, and it falls outside the scope of criminal liability. As a result, the basis for criminalization and intersectoral differentiation is not established in relation to the phenomenon under consideration.

Conclusion. The consolidation of crimes with administrative prejudice in the criminal law leads to its excessive criminalization, as well as to a violation of the criteria for intersectoral differentiation of legal responsibility.

Keywords: crimes; administrative prejudice; public danger; basis for criminal liability; criminalization of a crime; differentiation of responsibility.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Komyagin R.A. Crimes with administrative prejudice in the aspect of implementing modern criminal policy methods. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(6):148–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-6-148-159>.

Received 01.11.2025

Accepted 26.11.2025

Published 25.12.2025

Введение

Преступления с административной преюдицией широко представлены в действующем уголовном законодательстве. Однако их правовая природа продолжает оставаться до конца не уясненной ввиду отсутствия в научном сообществе единства мнений о соответствии понятия рассматриваемого явления общему понятию

преступления, предусмотренному в ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)¹. Значение последнего состоит в

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [ред. от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.09.2025).

законодательном закреплении исчерпывающего перечня признаков, установление которых не вызывает сомнений у субъектов уголовно-правовых отношений при отнесении конкретного деяния к числу преступлений [1, с. 28].

Методология

В основе проведенного исследования находится диалектический метод научного познания. Конкретные выводы и обладающие новизной теоретические и практические положения были получены в ходе анализа научных подходов к пониманию административной преюдиции, обобщения доктринальных представлений о понятии и структуре характера и степени общественной опасности.

В работе применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы, позволившие разработать новый подход к пониманию правовой природы преступлений с административной преюдицией, не допускающий ее использования в качестве основания уголовной ответственности. Также в ходе изучения основания криминализации и межотраслевой дифференциации значимая роль отводится системно-структурному методу, направленному на установление критериев разграничения преступлений и административных правонарушений.

Результаты и их обсуждение

В науке уголовного права предложены различные понятия преступления с административной преюдицией. Так, согласно мнению И.М. Пшеничнова, под ним следует понимать совершение деяния, подпадающего под признаки состава административного правонарушения, лицом, которое ранее было привлечено к ответственности за совершение аналогичного деяния в течение срока административной наказанности [2, с. 592–593]. Д.В. Мирошниченко рассматривает данное явление «в качестве материальной межотраслевой конструкции, выступающей средством описания общественно

опасного поведения, посредством указания в составе преступления на признак нахождения лица в состоянии административной наказанности за ранее совершенное им административное правонарушение» [3, с. 102]. В.В. Тарасенко полагает, что преступление с административной преюдицией есть не что иное, как средство юридической техники, суть которого состоит в криминализации факта повторного совершения административного правонарушения одним и тем же лицом за определенный период [4, с. 40–42].

На наш взгляд, суть административной преюдиции как таковой наиболее ясно раскрыта О.С. Одоевым. Под ней он понимает правовое состояние лица, обусловленное фактом назначения ему по постановлению по делу об административном правонарушении административного наказания и влекущее уголовно-правовые последствия в случае совершения этим лицом схожего по объективной стороне состава преступления [5, с. 155].

Рассматривая вопросы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, М.Н. Урда указывает на то, что административная преюдиция способна обеспечить более эффективное воздействие на субъектов противоправного поведения, предупреждение преступлений, экономию государственных ресурсов, необходимых для борьбы с более опасными видами преступлений, а также обеспечить соответствие уголовного законодательства принципу экономии мер репрессии¹.

Значение административной преюдиции в современном уголовном праве точно определено В.В. Тарасенко. Оно состоит в том, что «с одной стороны, она выступает условием привлечения лица к уголовной ответственности, а с другой – средством процессуальной экономии сил и средств суда при выяснении вопроса о

¹ См.: Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 18.

неоднократности, убирая из предмета доказывания обстоятельства, уже установленные по делу об административном правонарушении. Таким образом, административная преюдиция является частным случаем уголовно-правовой презумпции истинности решения по административному делу» [4, с. 43]. При этом сама по себе административная преюдиция может быть средством как криминализации, так и частичной декриминализации преступлений. Последняя имеет место при внесении изменений в диспозицию той или иной статьи уголовного закона, в связи с которыми лицо может быть привлечено к ответственности по этой статье только после однократного (двух- или трехкратного) привлечения к административной ответственности за учинение «аналогичного» правонарушения» [5, с. 159].

Ввиду тождественности административных правонарушений, входящих в структуру преступления с административной преюдицией, правомерен вывод о том, что одно и то же деяние не может обладать двойственной уголовно-правовой природой, т. е. влечь ответственность в соответствии с нормами как административного, так и уголовного права.

Основание криминализации и дифференциации ответственности как методов уголовной политики

Поскольку в основе данной группы преступлений находятся административные правонарушения, наиболее острым вопросом является установление наличия или отсутствия у них признака общественной опасности. Представляется возможным выделить несколько причин того, почему его наличие обуславливает возможность или невозможность нахождения в уголовном законе преступлений с административной преюдицией.

Так, по мнению Н.А. Лопашенко, основанием криминализации признается существование общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета [6, с. 108]. Этот факт позво-

ляет определить круг деяний, совершение которых требует применения мер исключительно уголовно-правового воздействия. Социальная необходимость введения таковых уголовно-правовых запретов обусловлена политической, экономической и социальной обстановкой в конкретный временной период. В этой связи К.В. Ображиев и Д.Ю. Корсун указывают на то, что суду, как органу государственной власти, принадлежит безусловное право оценивать характер общественной опасности преступлений, закрепленных в уголовном законе. Применительно к преступлениям с административной преюдицией суд может поставить вопрос о конституционности соответствующего уголовно-правового запрета и обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ либо самостоятельно применить ч. 2 ст. 14 УК [7, с. 53–54].

Кроме этого, многие исследователи рассматривают общественную опасность как критерий межотраслевой дифференциации преступлений¹ и административных правонарушений [8, с. 35]. Данный метод уголовной политики представляет собой «осуществляемое законодателем разделение последней, дозировку с учетом определенного рода обстоятельств, целью которой является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение» [9, с. 62].

Так, Н.Ф. Кузнецова предлагала разграничивать преступления и иные правонарушения в зависимости от объекта посягательства, размера наступивших последствий, вида противоправности². Можно заметить, что названные обстоя-

¹ См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 24.

² См.: Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. С. 135.

тельства характеризуют причиненный деянием вред – категорию, лежащую в основе определения качественной и количественной характеристики общественной опасности, а вид противоправности является логичным следствием отражения вредоносной природы в рамках той или иной отрасли права.

Также к числу критериев дифференциации отнесены вид и форма вины, обстоятельства, характеризующие личность виновного¹. Однако именно характер вредоносности и величина причиненного ущерба названы большинством авторов как основные признаки², наличие которых позволяет отделить преступления от других вредоносных деяний [10, с. 31].

Следует согласиться с теми учеными, которые в основании дифференциации уголовной ответственности указывают как типовой характер, так и типовую степень общественной опасности преступления [11, с. 185].

Обобщая приведенные и иные представленные в науке уголовного права точки зрения, можно сделать вывод о том, что именно общественная опасность названа большинством исследователей в качестве основания криминализации, а также критерия дифференциации правонарушений разных отраслей права³.

Общественная опасность – это признак только преступлений или правонарушений всех отраслей права?

Понятие административного правонарушения, предусмотренное п. 1 ст. 2.1 Кодекса об административных правона-

рушениях РФ (далее – КоАП РФ), не содержит признака общественной опасности⁴. В ст. 2.2 «Формы вины» КоАП РФ законодатель использует термин «вредные последствия», в то время как в тексте УК РФ (например, ст. 25 и 26) закреплено прямое указание на их общественно опасный характер.

При этом среди представителей науки уголовного права сложилось два различных подхода относительно того, присущ ли признак общественной опасности правонарушениям всех отраслей права или только преступлениям.

Так, А.И. Коробеев указывает: «Ввиду признания того, что только преступления обладают общественной опасностью, пришлось бы допустить, что проступки безвредны и никакого реального ущерба обществу не причиняют. Между тем за качественным различием преступного и непроступного необходимо всегда видеть и учитывать и количественную сторону. Как ничто из ничего не возникает, так и многие преступления, являющиеся крайней формой отклоняющегося поведения, не становятся таковыми сразу, внезапно, вдруг... Следовательно, лишь определенная степень общественной опасности как объективное мерило может служить критерием отнесения деяния к тому или иному виду правонарушений» [12, с. 64].

Д.В. Мирошниченко отмечает, что «сохранение общественной опасности как материального свойства одновременно за проступками и преступлениями решает проблему не только качественной обособленности правонарушений данных видов (в зависимости от степени), но и дает возможность произвести учет предшествующего проступка при формулировании основания уголовной ответвен-

¹ См.: Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 16-18.

² Кругликов Л.Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном праве. Ярославль: ЯрГУ, 2016. С. 27.

³ См.: Комягин Р.А. Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 184.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : [ред. от 31.07.2025] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.09.2025).

ности за повторное аналогичное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом РФ. В терминологии заключена прагматика правореализации и возможностей межотраслевого взаимодействия норм административно-деликтного и уголовного законодательств» [3, с. 43].

Критикуя представленные выше позиции, А.М. Смирнов пишет о том, что «несмотря на то, что непреступные правонарушения тоже вредоносны, характер и степень их вредоносности никогда не достигнут степени общественной опасности преступлений. Преступные деяния при прочих равных условиях всегда причиняют больший вред, их вина антисоциальнее, мотивация низменнее, способы совершения опаснее. Ведущим разграничительным элементом выступает, прежде всего, величина причиненного вреда или ущерба правоохраняемым интересам личности, общества и государства» [10, с. 31].

Иные аргументы на этот счет приводит А.М. Герасимов, который указывает, что «"сумма вреда" от административного правонарушения, формально затрудняя правовое регулирование социальных отношений, не создает опасности для материального порядка. Нематериальный характер административного правонарушения исключает потребность административно-деликтного права в юридических последствиях, аналогичных инструментам уголовного права (срок, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию)» [13, с. 104].

Точка зрения о том, что общественная опасность – это признак исключительно преступлений¹, получила свое освещение и в трудах дореволюционных исследователей [14, с. 135].

На наш взгляд, при анализе, с одной стороны, объектов уголовно-правовой

охраны, перечисленных в названии глав и разделов Особенной части УК РФ, ч. 1 ст. 2 УК РФ, и, с другой – объектов, обозначенных в ст. 1.2 КоАП РФ и в названии глав Особенной части КоАП РФ, можно увидеть их *отчасти* повторяющийся перечень. В обоих законодательных актах к ним отнесены: конституционные права и свободы человека и гражданина, здоровье личности, общественная нравственность, окружающая среда, государственная власть, общественный порядок и общественная безопасность и другие объекты.

Поскольку преступления причиняют гораздо больший, в количественном плане, вред правоохраняемым объектам, чем административные правонарушения, при совершении последних остаются не затронутыми жизнь человека, национальная безопасность, конституционный строй и другие наиболее значимые объекты. Из этого следует взаимообусловленность характера и степени общественной опасности как признака в целом: при увеличении размера последствий увеличивается и негативное воздействие на объект уголовно-правовой охраны, т. е. его подверженность вредоносному воздействию в результате совершения преступления. Можно сделать вывод о том, что признак общественной опасности обладает ярко выраженной целостной системой своего построения. Следует признать ошибочным суждение о том, что при отсутствии должной степени неизменным остается наличие характера данного признака, на что указывают сторонники единой вредоносной природы преступлений и административных правонарушений.

Приведенное суждение находит свое подтверждение в ходе анализа структуры общественной опасности. Так, Р.А. Сабитов полагает, что сущность общественной опасности выражается в том, что деяние причиняет вред установившимся общественным отношениям либо способно причинить им вред. При этом ха-

¹ См.: Сахаров А.Б. Уголовное право: Понятие уголовного права. Содержание и основания уголовной ответственности. Общая часть. Вып. 1. М.: Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1967. С. 27.

рактор общественной опасности деяния обусловлен прежде всего ценностью объекта, на который посягает виновный, а также формой его вины, в то время как степень определяется: размером вреда, в том числе тяжестью наступивших последствий, способом осуществления деяния, степенью осуществления преступного намерения, ролью лица при совершении преступления в соучастии, видом умысла или неосторожности и другими показателями [11, с. 185].

В этой связи следует признать верной позицию Н.Ф. Кузнецовой. Несмотря на то, что и преступления, и административные правонарушения посягают на совпадающие объекты охраны, именно преступления обладают наибольшей антисоциальной направленностью, которая получила свое отражение в таком признаке преступления, как общественная опасность. Правонарушения иных отраслей права правильнее определять как вредоносные деяния¹.

Как итог, ни первое, ни второе из совершенных административных правонарушений, входящих в структуру преступления с административной преюдицией, не обладают общественной опасностью.

Способы описания признаков преступлений с административной преюдицией по действующему уголовному законодательству

В ходе криминализации преступлений с административной преюдицией законодателем используются различные способы их регламентации в тексте УК РФ, которые указывают на неоднократное совершение одним лицом административных правонарушений. Анализ положений Особенной части УК РФ позволяет сделать вывод о том, что количество

административных правонарушений, входящих в структуру преступления с административной преюдицией, может быть различным.

Признание преступлением второго из совершенных административных правонарушений предусмотрено в большинстве статей УК РФ. Таковы, например, ст. 116.1, 151.1, ч. 1 и 2 ст. 157, ст. 158.1, 171.4, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 201.2, ст. 201.3 УК РФ. В других случаях повторное совершение одного и того же административного правонарушения влечет более строгую, но все еще административную ответственность, а преступлением является третье из совершенных административных правонарушений (например, ст. 171.5, чч. 1, 2 ст. 215.3, ч. 1 ст. 264.2, ч. 1 ст. 264.3 УК РФ).

Предлагая выработать единый подход к нормативному конструированию составов с преюдицией, О.С. Одоев указывал, что законодатель, предусматривая в том или ином составе преступления однократную, двукратную или трехкратную преюдицию, нередко руководствуется произвольными мотивами [5, с. 53].

Помимо количества административных правонарушений, отличается и срок совершения последнего из них для признания его преступлением. В ст. 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» он равен 180-ти дням. Во всех других статьях УК РФ он регламентирован ст. 4.6 КоАП РФ и равен одному году, в течение которого должно быть совершено административное правонарушение для признания его преступлением.

Также в диспозициях уголовно-правовых норм по-разному описывается признак, характеризующий субъект преступления с административной преюдицией. В одних статьях содержится указание на то, что лицо должно быть подвергнуто административному наказанию (ч. 1 ст. 116.1, ст. 151.1, ч. 1 ст. 157, ч. 2

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. С. 205; Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2005. С. 116.

ст. 157, 158.1, 171.4, 171.5, ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 193 УК РФ и др.), в других – на то, что лицо ранее привлекалось к административной ответственности (например, ст. 212.1, ч. 1 ст. 280.1, ч. 2 ст. 280.1, ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282, ст. 284.2 УК РФ).

Сложившаяся ситуация, при которой преступным признается в одних случаях – второе, в других – третье административное правонарушение, отличается срок, в течение которого оно должно быть совершено, а также форма законодательного описания признака повторности административных правонарушений, служит подтверждением отсутствия единого подхода при установлении основания криминализации применительно к преступлениям с административной преюдицией. Как верно отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, отсутствие единых способов законодательной регламентации преступлений с административной преюдицией – существенный недостаток их криминализации [15, с. 54].

Повторность совершения административных правонарушений и ее влияние на наличие или отсутствие признака общественной опасности деяния

Закономерно возникает вопрос: может ли повторность совершения административных правонарушений выступать признаком общественной опасности?

По мнению М.И. Ковалева, такой признак, как повторность, характеризует личность виновного, ее общественно опасное состояние. Ввиду того, что личность виновного является криминологической категорией, ее характеристики не могут быть включены в состав преступления и, как следствие, не могут служить основанием для перехода деяния из разряда правонарушений в преступления [16, с. 10–13]. Н.Г. Иванов полагает, что в преступлениях с административной преюдицией основанием криминализации выступает не деяние, а воля деятеля, что нарушает принципы реализации указанного метода уголовной политики [17, с. 20–23]. Отрицает наличие основания

криминализации применительно к преступлениям с административной преюдицией Н.А. Лопашенко, поскольку единственное, что объединяет административные правонарушения в рамках рассматриваемого явления, это личность виновного [18, с. 386].

В науке уголовного права есть и сторонники позиции законодателя. Так, З.Э. Эргашева относит повторность совершения административных правонарушений к признакам специального субъекта преступления, которым выступает лицо, находящееся в состоянии административной наказанности ввиду ранее совершенного правонарушения(ий), а также тождество деяний, предусмотренных в административном и уголовном законе¹.

По мнению Д.В. Мирошниченко, «субъект преступления объединяет проступки на основании преюдициальной связи между ними, в основе которой расположена личность и ее негативно характеризующиеся прошлое и настоящее поведение. Общественную опасность преступления с преюдицией следует связывать с устойчивым противоправным поведением, объективирующим личность и преюдирующим составом» [3, с. 102].

К.В. Ображиев и Д.Ю. Корсун занимают схожую позицию. Они считают, что «использование административной преюдиции характеризует не объективную сторону преступления, а специфический статус субъекта преступления – его административную наказанность. Иными словами, преступление с административной преюдицией не арифметическая сумма двух административных правонарушений, а одно правонарушение, совершенное специальным субъектом» [7, с. 83–84].

По этому поводу О.С. Одоев отмечает, что общественная опасность выступает в качестве критерия оценки личности,

¹ См.: Эргашева З.Э. Административная преюдиция в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 7-9.

а преюдиция, в свою очередь, выступает приемом ее описания в тексте уголовного закона [5, с. 32].

Об этом же пишет О.С. Капинус: «Законодатель, конструируя состав преступления с административной преюдицией, устанавливает уголовную ответственность не за два административных проступка, а за одно деяние, формально соответствующее составу административного правонарушения, которое совершено административно наказанным лицом. При использовании анализируемой юридической конструкции первое административное правонарушение характеризует не объективную сторону преступления, а специфический статус субъекта преступления – его административную наказанность» [19, с. 84].

Представляет интерес позиция М.Г. Жилкина о том, что «преступления с административной преюдицией не могут быть рассмотрены как малозначительные деяния, поскольку их общественная опасность связана с особенностями субъекта преступления и повторением не достигающих криминального уровня общественной опасности проступков, а не с незначительностью самого деяния» [20, с. 33].

На наш взгляд, следует признать ошибочным отнесение повторности административных правонарушений к признакам специального субъекта преступления, поскольку таковая выступает характеристикой личности виновного, которая находится за рамками состава преступления. Так, В.В. Хилюта полагает, что «именно поведение лица предопределяет качественный переход проступка в преступление, и при определении основания уголовной ответственности предлагается обращать внимание на источник причинения вреда, то есть личность виновного» [21, с. 50]. Признание подобного факта противоречит ныне действующей редакции ст. 8 УК РФ.

По этому поводу А.Г. Кибальник и З.З. Мамхягов указывают следующее: «В

контексте понимания социально-юридических характеристик административной преюдиции в уголовном праве необходимо прийти к выводу о том, что она не соответствует основаниям криминализации деяния в уголовном праве. Прежде всего это выражено в отсутствии фундаментального признака общественной опасности первичного и всех последующих административных правонарушений» [22, с. 73]. А Р.А. Сабитов справедливо отмечает, что «совершение общественно опасного деяния является единственным и достаточным основанием уголовной ответственности. Обстоятельства, лежащие за рамками состава преступления, хотя и подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, не могут служить дополнительными основаниями уголовной ответственности» [11, с. 117].

Несмотря на то, что при совершении преступления с административной преюдицией лицо последовательно привлекается к ответственности в соответствии с нормами разных отраслей права – административного и уголовного, можно констатировать нарушение принципа презумпции невиновности, предусмотренного ч. 1 ст. 50 Конституции РФ: «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Так, первое из совершенных правонарушений влечет наказуемость в соответствии с нормами административного права и учитывается при привлечении лица к уголовной ответственности в случае его повторного совершения. Между тем, поскольку лицо уже понесло наказание за совершенное административное правонарушение, при повторном его совершении основание административной ответственности возникает заново. Б.В. Волженкин указывал на то, что в преступлениях с административной преюдицией лицо оказывается повторно привлеченным к ответственно-

сти за первое из совершенных административных правонарушений [23, с. 438].

Выводы

Поскольку административные правонарушения, входящие в состав преступления с административной преюдицией, не обладают признаком общественной опасности, рассматриваемое явление нельзя признать соответствующим критерию межотраслевой дифференциации юридической ответственности, который находится в основе перехода деяний из разряда административно наказуемых в уголовно наказуемые.

Основанием наделения преступления с административной преюдицией

признаком общественной опасности является характеристика личности виновного, неоднократно совершившего административное правонарушение. Данное положение не соответствует требованию ст. 8 УК РФ, т. к. повторность совершения административных правонарушений – это признак личности виновного, который не входит в структуру состава преступления.

Закрепление преступлений с административной преюдицией в уголовном законе приводит к его избыточной криминализации, поскольку реализация данного метода уголовной политики осуществляется при отсутствии на то основания.

Список литературы

1. Уголовное право России: в 6 т. Т. 2 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Саратов. гос. Акад. права, 2008. 648 с.
2. Пшеничнов И.М. Административная преюдиция: необоснованный риск для уголовного законодательства // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 592-594.
3. Мирошниченко Д.В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование. М.: Юрлитинформ, 2022. 205 с.
4. Тарасенко В.В. Презумпция и фикции в современном уголовном праве России: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 230 с.
5. Одоев О.С. Административная преюдиция в уголовном праве России и государств СНГ: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2018. 190 с.
6. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовная политика. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 352 с.
7. Ображиев К.В., Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: монография. М.: Проспект, 2024. 232 с.
8. Павлухин А.Н., Нестеров П.Н., Эриашвили Н.Д. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность / под ред. А.Н. Павлухина. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2007. 111 с.
9. Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 298 с.
10. Смирнов А.М. Учение об общественно опасных формах преступного деяния: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 202 с.
11. Сабитов Р.А. Уголовная ответственность и уголовно-правовое поощрение: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 447 с.
12. Коробеев А.И. Общественная опасность деяния как одно из юридико-криминологических оснований установления уголовно-правового запрета // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 62-66.
13. Герасимов А.М. Теория уголовного правонарушения: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 317 с.
14. Дурманов Н.Д. Понятие преступления / отв. ред. М.Д. Шаргородский. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 311 с.

15. Иногамова-Хегай Л.В. Современные тенденции криминализации и декриминализации в российском уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 4. С. 53-58.
16. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1982. С. 10-15.
17. Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации: монография. М.: Проспект, 2016. 80 с.
18. Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 437 с.
19. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78-85.
20. Жилкин М.Г. Криминализация деяний с административной преюдицией: роль общественной опасности и критерии уголовной ответственности // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 29-33.
21. Хилjuta В.В. Административная преюдиция в уголовном праве (теоретико-прикладное исследование): монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 160 с.
22. Кибальник А.Г., Мамхягов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 158 с.
23. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 969 с.

References

1. Razgildiev B.T. (ed.) Criminal law of Russia. Vol. 2. Saratov: Saratov. gos. akad. prava; 2008. 648 p. (In Russ.)
2. Pshenichnov I.M. Administrative prejudice: An unjustified risk for criminal legislation. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*. 2019;(13):592-594. (In Russ.)
3. Miroshnichenko D.V. Prejudice in the criminal law of Russia: A theoretical and applied study. Moscow: Yurlitinform; 2022. 205 p. (In Russ.)
4. Tarasenko V.V. Presumption and fictions in the modern criminal law of Russia. Moscow: Yurlitinform; 2022. 230 p. (In Russ.)
5. Odоеv O.S. Administrative prejudice in the criminal law of Russia and the CIS states. Moscow: ID Yurisprudentsiya; 2018. 190 p. (In Russ.)
6. Lopashenko N.A. Reflections on criminal law. Criminal policy. Author's Course. Moscow: Yurlitinform; 2025. 352 p. (In Russ.)
7. Obrazhiev K.V., Korsun D.Yu. Minor acts in criminal law. Moscow: Prospekt; 2024. 232 p. (In Russ.)
8. Pavlukhin A.N., Nesterov P.N., Eriashvili N.D. Socially dangerous behavior and its criminal illegality. Moscow: Uniti-dana, Zakon i pravo; 2007. 111 p. (In Russ.)
9. Kruglikov L.L., Vasilevsky A.V. Differentiation of responsibility in criminal law. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2003. 298 p. (In Russ.)
10. Smirnov A.M. The doctrine of publicly dangerous forms of criminal acts. Moscow: Yurlitinform; 2016. 202 p. (In Russ.)
11. Sabitov R.A. Criminal liability and criminal law encouragement. Moscow: Yurlitinform; 2022. 447 p. (In Russ.)
12. Korobeyev A.I. Public danger of an act as one of the legal and criminological foundations for establishing a criminal law prohibition. In: *Obshchestvennaya opasnost' v уголовном, уголовно-исполнител'nom prave i kriminologii: materialy XIV Rossiiskogo kongressa уголовного prava, sostoyavshegosya 30-31 maya 2024 g. = Public danger in criminal, penal, and criminological law: proceedings of the 14th Russian congress of criminal law, held on May 30-31, 2024*. Moscow: Yurlitinform; 2024. P. 62-66. (In Russ.)

13. Gerasimov, A.M. Theory of criminal offense. Moscow: Yurlitinform; 2022. 317 p. (In Russ.)
14. Durmanov N.D. The concept of a crime. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR; 1948. 311 p. (In Russ.)
15. Inogamova-Khegay L.V. Modern trends in criminalization and decriminalization in Russian criminal law. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2017;(4):53-58. (In Russ.)
16. Kovalev M.I. Crime and misconduct. In: *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva po ukrepleniyu pravoporyadka i usileniyu bor'by s pravonarusheniyami: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov = Problems of improving legislation to strengthen law and order and strengthen the fight against offenses: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Sverdlovsk: Sverdl. yurid. in-t; 1982. P. 10-15. (In Russ.)
17. Ivanov N.G. Public danger of an act as an ontological basis of criminalization. Moscow: Prospekt; 2016. 80 p. (In Russ.)
18. Lopashenko N.A. Reflections on criminal law. Principles of criminal legislation. Criminal law. Crime, misdemeanor, and elements of a crime. Author's Course. Moscow: Yurlitinform; 2020. 437 p. (In Russ.)
19. Kapinus O.S. Administrative prejudice in criminal law: Problems of theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(6):78-85. (In Russ.)
20. Zhilkin M.G. Criminalization of acts with administrative prejudice: the role of public danger and the criteria for criminal liability. In: *Obshchestvennaya opasnost' v ugolovnom, ugolovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii: materialy XIV Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 30-31 maya 2024 g. = Public danger in criminal, penal, and criminological law: proceedings of the 14th Russian congress of criminal law, held on May 30-31, 2024*. Moscow: Yurlitinform; 2024. P. 29-33. (In Russ.)
21. Khilyuta V.V. Administrative prejudice in criminal law (theoretical and applied research). Moscow: Yurlitinform; 2024. 160 p. (In Russ.)
22. Kibalnik A.G., Mamkhiagov Z.Z. Administrative prejudice in criminal law: Issues of de lege lata and de lege ferenda. Moscow: Yurlitinform; 2023. 158 p. (In Russ.)
23. Volzhenkin B.V. Selected works on criminal law and criminology. St. Petersburg; 2008. 969 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Комягин Роман Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация, e-mail: roman.komyagin@mail.ru

Roman A. Komyagin, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, e-mail: roman.komyagin@mail.ru